

Редко кому из актеров в самом начале творческого пути выпадает такая удача — сыграть роль не швейцара в ресторане, не соседа главного героя по лестничной площадке, а... царя Петра. На Диму Золотухина громада этого образа, имеющего давнюю сценическую и экранную историю, традиции различных трактовок и прочтений, свалилась в 21 год, когда он заканчивал школу-студию МХАТ. Именно ему патриарх советского кино Сергей Герасимов после длительных кинопроб предложил воплотить образ государя в экранной дилогии "Юность Петра". Легко себе представить счастье и растерянность молодого актера...

— Причем не знаю, чего было больше, — говорит сегодня Дима. — Во время работы я испытал огромное эмоциональное напряжение, пережил, если хотите, психологический шок, так что считать мою первую роль гармоничным творческим актом было бы натяжкой. Я никогда об этом раньше не говорил, никто, кроме Герасимова, об этом не знал, но у меня во время съемок даже язва открылась на нервной почве — настолько трудно давалась работа. Идти в этой роли "от себя" я не мог — все-таки существуют определенные стереотипы, что ли, восприятия этого образа, многократно описанного и сыгранного. Да и по характерам мы с моим героем были совершенно несхожи, не говоря уже о том, что по масштабу личности я не дотягивался и не дотягиваюсь Петру даже до колен. Так что нужно было перевоплощаться, тянуться из последних сил к этой глыбе.

В итоге я пережил определенный надрыв, ломку характера, знакомые говорили, что даже вне съемочной площадки у меня стали проскальзывать несвойственные мне жесты, интонации, психические реакции. В принципе, как я сегодня понимаю, эта роль могла стать разрушительной для меня. Потому что поведение Петра, его эмоциональная, психическая пульсация — это пульсация, если угодно, сверхчеловека. Когда все это передается личности, скажем так, средних параметров, — это может очень сильно нарушить ее внутренний баланс. Но обошлось... У меня появились другие роли, другие фильмы, и мне со временем удалось сгармонизировать, что ли, свое духовное и физическое состояние.

— Одна из картин герасимовской дилогии называлась "В начале славных дел". Уже по названию видно, что авторы фильма, в том числе и вы, отнеслись к фигуре Петра с известным пиететом. Но сегодня мы стали смелее судить об истории, недавно мне, например, привелось встретить такое неслестное для государя определение: "Он был первым большевиком России". Как вы относитесь к личности Петра сегодня?

— Вы правы в том, что Герасимов героизировал фигуру Петра. Да и у Алексея Толстого эта личность, при всей ее сложности и противоречивости, приподнята на котурны. Значит, это входило в художественную задачу, которую ставили перед собой автор книги и автор фильма. И я как актер должен был ее выполнять.

Что касается моего нынешнего отношения, то я с осторожностью сужу о фигурах такого масштаба,

как Петр I, — его, как мне кажется, вообще невозможно оценивать по обычным человеческим меркам. А уж набраться смелости и обозвать его "большевиком" — увольте. Может, я в чем-то несовременен, но до сих пор смотрю на Петра снизу вверх. Да, я знаю о ди-

ких забавах, которым он предавался, о крови и пытках, которым потворствовал, о костях народа, коими он мостил дорогу в будущее. Но знаю и то, что недолгая деятельность Петра спрессовала в несколько десятилетий по меньшей мере два века российской истории. Он погнал Россию вперед интенсивным путем, продвинул ее в число передовых держав Европы. Что перевешивает на исторических весах — его самодурство, жестокость, пучеглазие или затеянный и осуществленный им поворот в истории державы? Ответ на этот вопрос пусть каждый подбирает самостоятельно.

— Дима, вы были учеником Герасимова — классика советского кино, который немного не дожил до демократических преобразований в нашем обществе. Думать так нехорошо, но иногда мне кажется, что Сергею Аполлинаруевичу повезло в том, что он ушел из жизни вовремя — в противном случае и его могла бы захлестнуть волна злой, несправедливой критики, которая в первые перестроечные годы обрушилась, скажем, на Бондарчука, Матвеева, Росточкина и других ветеранов советского кино...

— Я понимаю, о чем вы говорите, но, думаю, на долю Герасимова неприятных минут, связанных с несправедливой хулой, не выпало бы. Оставляя сейчас в стороне его актерскую, режиссерскую деятельность, может быть, неоднозначную, я хотел бы напомнить о том, что он выпестовал, вынанил це-

лую армию кинематографистов. По сути, треть всех актеров и режиссеров, активно работающих в нашем кино, учились у Герасимова. И с кем бы из его учеников я ни общался, все неизменно восхищалось масштабом его личности, его острым, ясным умом, поистине энциклопедической образованностью. А то, что Герасимов был выдающимся учителем, педагогом, строителем нашего кино, — эту сторону его жизни и деятельности никто не мог и не может подвергнуть малейшему сомнению.

Но даже если допустить, что Герасимов дожил бы до пятого

одноименном фильме, или Поддубный в картине "Знай наших", или князь Голицын в ленте "Сильнее всех иных велений", или Константин в картине Никиты Михалкова "Очи черные"... Но, как бы вам это сказать... Несмотря на то, что я вырос в театре, что мои родители работали во МХАТе, я всегда был сдвинут, помешан на кино. Я мог отменить свидание с любимой девушкой, если мне в руки попадала кассета с новым фильмом. Но быть актером кино — еще не значит делать кино. Актер — это всего лишь одна составляющая, востребованная или невостребованная, находящая или не находя-

сердце, — вот что в самом общем виде интересует меня в кино. Отсюда неизбежный приход в "актерский" кинематограф, который я, надеюсь, буду исповедовать и впредь.

И еще... Наверное, это нельзя объяснить рационально, но женские характеры, судьбы у меня всегда получаются ярче, сильнее, многозначнее. То, что делает Любовь Полищук в "Христианах" или Ирина Розанова, Марина Левтова, Наталья Харахорина в "Зоне "Любэ", перевешивает созданное в этих же картинах актерами-мужчинами. Не стану скрывать, что и один из моих новых замыслов держится сразу на

"Это просто могло меня сломать",

Труж. — 1995 — 19 мар. — с. 5

— говорит Дмитрий Золотухин, исполнитель роли государя в фильме "Юность Петра". Сегодня выросший и возмужавший актер стал режиссером и сам снимает кино.

съезда кинематографистов и кто-то в пылу полемики посмел бы позволить себе инвективы по поводу его деятельности или убеждений, то он бы дрался, он бы не сник. Сергей Аполлинаруевич был человеком очень мужественным, и он был коммунистом. Он был последовательным сторонником этой идеологии, она совпадала с его личностным мировоззрением, он об этом не раз открыто говорил, и его убежденность вызвала безусловное уважение даже у тех, кто исповедовал совсем иные ценности.

Мне выпало счастье провести несколько лет рядом с Учителем — сначала на съемочной площадке фильма "Юность Петра", а потом в его режиссерской мастерской. Не всегда у нас были возможности для длительного общения, не все уроки Мастера я сумел тогда усвоить, но само его присутствие рядом, сама его аура активно и плодотворно на меня влияли. И я счастлив, что в моей судьбе произошла эта многое определившая встреча.

— А почему после столь яркого дебюта, каким стала для вас роль Петра, вы решили податься в режиссуру? Почувствовали однажды, что переросли рамки актерской профессии или наметился дефицит интересных ролей?

— Нет, своей актерской судьбой я был вполне доволен. Работал во МХАТе, активно снимался. Одна главная роль в году у меня всегда была, и всегда это было интересно: будь то Василий Буслаев в

своем месте в чужом рисунке, чаще всего ждущая, но не делающая это искусство, не определяющая уровень и качество фильма. А я хотел жить кино, делать кино. И потому через два года после окончания фильма "Юность Петра" пришел в мастерскую Герасимова. И отучился у него положенные пять лет, хотя как актер, уже достаточно известный, мог претендовать на дебют и без учебы. Но я сделал так, как подсказывало мне чувство, и сегодня об этом не жалею.

— В качестве режиссера вы сняли две картины, обе из них я видел. Ваш дебют "Христиане" — это точное, строгое и глубокое прочтение рассказа Леонида Андреева. Ваша новая картина "Зона "Любэ", идущая сейчас в прокате, выдержана в совсем другой стилистике. Это, по сути, цепь музыкальных новелл, клипов, объединенных неким сюжетным ходом. Честно говоря, мне трудно найти нечто общее в этих очень разных картинах...

— Во-первых, такое сходство не всегда обязательно надо искать. А во-вторых, в данном случае оно есть. Если внимательно присмотреться к моим режиссерским попыткам, то и в "Христианах", и в неосуществленной постановке "Скоморохов", и в "Зоне "Любэ" импульсом для кинематографического поиска был интерес к человеческим лицам, портретам, судьбам. Характер в движении, развитии, самораскрытии, направленность на личность, на драму, на

семи равнозначных женских характерах. А в двух других вынашиваемых историях главные героини — опять-таки женщины. Насколько я силен в женской психологии, что я понимаю в их внутреннем мире, — это для меня еще вопрос, но подспудно и зачастую совершенно независимо от первоначальных намерений я вновь и вновь зачарованно смотрю в женское лицо.

— Напоследок позволю себе совершенно легкомысленную интонацию. Коля мы заговорили о женщинах, то, по слухам, вы знаток и исследователь прекрасного пола не только на экране, но и в жизни...

— Конечно, я люблю женщин, мне нравятся женщины, в жизни они меня пылко влекут, как, полагаю, всякого нормального мужчину. Но когда я начинаю делать кино, у меня словно переключается некий внутренний регистр, и мне кажется мелкой, неинтересной задача рассказать историю страсти, поведать о женском сердце, плененном или разбитом любовью. Нет, в творческом плане женщина волнует мое воображение, раскрепощает мою фантазию скорее в роли сестры, дочери, матери, но никак не страстной возлюбленной. Почему так — не знаю, но и в будущих моих работах, если они состоятся, женские судьбы возникнут только в связи с религиозно-духовным, нравственно-волевым началом. А о любви пусть расскажут другие, у которых это получится лучше...

Вел беседу
Леонид ПАВЛУЧИК.